

онъ любить жизнь не только тогда, когда она приноситъ ему наслажденія, но и при состоянїи ровномъ, спокойномъ, т. е. когда не испытываетъ страданій. Если его здоровье удовлетворительно, а душа свободна отъ тревогъ, то онъ любитъ жизнь уже потому, что чувствуетъ дѣлость своего «я». Во-вторыхъ, человѣкъ только въ крайнихъ случаяхъ расстаётся съ надеждой, что его положеніе измѣнится къ лучшему; надежда, большею частью, не покидаетъ его даже во время тяжкихъ страданій. Въ-третьихъ, сила привычки помогаетъ человѣку обтерпѣться и признавать нормальнымъ состояніе, которое представляется для сторонняго наблюдателя одной непрерывной затяжной невзгодой. И наконецъ, въ-четвертыхъ, многіе обладаютъ такой твердостью воли, что не падаютъ духомъ даже при исключительно тяжелыхъ испытаніяхъ, которыя внезапно поражаютъ ихъ.

Не забудемъ и того, что, сколько бы страданій ни выпало на долю человѣка, онъ не думаетъ о нихъ, пока они не наступили и ничѣмъ не заявляютъ о близкомъ появленіи. Когда человѣкъ полонъ силъ, ему и на умъ не приходитъ, что онъ можетъ заболѣть горячкой, сломить себѣ ногу или быть раздавленнымъ при крушеніи поѣзда. Пока близкіе люди пользуются удовлетворительнымъ здоровьемъ, не приходитъ и въ голову тревожить себя мыслью о страданіяхъ, которыя причинила бы потеря этихъ людей. Тѣмъ болѣе никто не предвкушаетъ мученій, которыя испыталь бы, если бы его засыпало при землетрясеніи въ Лиссабонѣ или Мессинѣ.

Толстой считаетъ отношеніе къ страданію разумнымъ только тогда, когда человѣкъ признаетъ ихъ наказаніемъ за грѣхи свои и другихъ людей и рѣшается бороться съ заблужденіями, которыя ведутъ къ этимъ страданіямъ.—Нѣтъ необходимой связи между двумя частями этого положенія. Первая часть, признаніе всѣхъ страданій наказаніемъ за грѣхи, рушится даже при слабомъ прикосновеніи критики. Я могу считать наказаніемъ за мои грѣхи тяжелую болѣзнь, пріобрѣтенную мною вслѣдствіе пьянства и распутства. Но какъ можетъ человѣкъ, ведущій добрую жизнь, всегда готовый служить ближнимъ, считать наказаніемъ за свои грѣхи неурожай, охватившій обширную площадь въ его отечествѣ и поставившій множество людей на границѣ голодной смерти? Или какъ можетъ кто-либо считать наказаніемъ за свои грѣхи то, что островъ Суматра пострадалъ отъ землетрясенія, которое поглотило нѣсколько десятковъ тысячъ жизней?